

КОНСТАНТИН ТОМИЛОВ

ПРОЕКТ БЕЛЫЙ СЛОН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Томилов

Проект "Белый Слон"

<https://litres.ru/63491312>

SelfPub; 2026

Аннотация

События 2020 года от Рождества Христова поставили в психологический тупик не только население планеты Земля, но и тех, кто считает себя кукловодами, надсмотрщиками, управляющими человеческой цивилизацией. Трагическая семейная история мужчины, который при кажущейся заурядности, является охотником на ведьм и колдунов. Содержит нецензурную брань.

Константин Томилов

Проект "Белый Слон"

Посвящается Вселенским Сиротам – детям, убитым абортками.

("Так говорит Господь: голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет.")

Вместо предисловия:

Все описываемые ниже события являются вымышленными, сочинёнными автором произведения. Любые, являющиеся абсолютно случайными, совпадения мест, имён и событий – считать не соответствующими реальной действительности.

—

Тревога! Тревога! Тревога!

Ну, что же: К бою! – Я готов!

Стою один, и безоружен.

Пред тьмою яростных врагов,

Самодовольством обнаружен.

Я вновь: не удержал язык,

И гордость наглуго во чреве,

И мой вороний хриплый крик —

Мой сыр подарит хитрой деве.

А мне же – биться с вороньём,

С той тучей, что в душе проснулась.

Взяв крест. Страдая. За Христом.

Раз благодать – души коснулась.

—

Отключение системы?—Перезагрузка?

–Что прям так внагиак? Так в открытую?

–Хочешь верь-хочешь не верь, а таки да, прям так, в открытую, без "маскировки". Если раньше, я осознавал с кем столкнулся уже позже, обычно через несколько часов, самое раннее распознавание происходило где-то часа через два, через три, то тут...

–Ну и?

–Ну, а что мне оставалось делать? Включился в прямой контакт с Носителем, показал ему вражеского агента, подселённого в однотипную биологическую особь...

—

"Бррр, прохладненько..., и снежок с ветерком, утро раннее, темень ещё, весь мегаполис спит пока что, хорошо хоть жизнь немного наладилась, фонари кругом светят, а то как вспомнишь, в девяностых, выйдешь бывало также рано на работу и "хоть глаз коли", только и света было, что из окошек домов, что вдоль тротуаров серо-уныло тянутся. Потому и ходил всегда с фонариком, следил за ним, заряжал постоянно, беспокоился чтобы не забыть, да не потерять, а то не ровён час, с работы да работу добираясь, свалишься куда-нибудь, или, споткнувшись в темноте, руку или ногу сло-

маешь. Летом или зимой полегче конечно: летом день длиннее, а зимой от снега светло. А вот весна, да осень – это прям беда..., особенно когда дожди, сыро, грязно. Ну грязища-то и сейчас, как была, так и осталась, но хоть светло, видно, куда идёшь, боле-менее. И фонарик куда-то уж давно затерялся, не помню где валяется, не найдёшь уже... Трамвайчик идёт..., что за номер?..., ага, шестнадцатый, ну надо же, ещё семи утра нет, а этот редкостный маршрут уж едет, обычно, раньше, первый на линию где-то в девять утра выходил, и ходит их..., да наверное два или три по маршруту, раз в полчаса, полупустые, ага, а сейчас так и вообще никого... Брррр, да чтож так холодно?! Вроде бы и оделся тепло, и на улице ещё не зима совсем уж, и выспался хорошо, не должно бы так!"

Наблюдая за подъезжающим к остановке трамваем, Алексей Петрович как-то машинально оглянулся, стоявший в шести-семи шагах от него, чуть слева и сзади, примерно одного с ним возраста, мужик, как будто внезапно вспомнив что-то, быстрым шагом устремился к открывшему двери трамваю. Взявшись за поручень средней двери, оглянулся на Алексея Петровича; бросив на него ненавидящий взгляд, так как бросает улепётывающий новобранец ручную противопехотную гранату в надвигающийся на него танк; запрыгнул в трамвай и зашагал к дремлющей на своём месте кондукторше. Алексей Петрович недоуменно пожав плечами, задумчиво затеребил пальцами свою недавно подстриженную бороду:

"Знакомый что-ли? Да нет, вроде бы, не помню я этой рожи... Восемьсот шестой, новенький трамвайчик, обычно на эту линию всякое старье, а тут новенький..., надо же. А на улице то, как хорошо с утрачка то, снежочек потихоньку сыплет, свежо и не холод... Так стоп! А почему, только что мне казалось, что я прям как в Якутске под новый год? А это что ещё за хрень?!"

Раззявив от изумления рот, Алексей Петрович наблюдал как к остановке подъезжает, старый, много раз перекрашенный, трамвай номер 16, с написанным на боку цифрами 806. Трамвай остановился, открыл двери, закрыл, постоял ожидая зелёного сигнала светофора и поехал. Та же самая кондукторша, которая сидела в только что уехавшем, скрывшемся за поворотом трамвае, ввиду полного отсутствия пассажиров спала на своём сиденье, покачивая головой как игрушечная собачка, прилепленная на передней панели автомобиля.

—

—Ну, и каковы были ответные действия вражеского агента?

—Запаниковал. Запросил помощь в открытую. Без шифровки.

—Тааак..., интересно-интересно... А чего бы это вдруг так-то? Что-то необычное произошло?

—Нет..., стандартная обстановка, все реалии были в норме, никаких аномалий не наблюдалось.

–Носитель?

–Стандартный. Я его от и до просканировал – ничего необычного.

–А твой?

–Ну конечно! Был мною исследован до подселения, полностью, согласно Инструкции, ничего необычного, выходящего за рамки биологических нормативов для этих особей, обнаружено не было.

–Так... Ну что же... Тогда диктуй официальный отчёт.

–Слушаюсь! Я, полевой агент номер ANT-13669172, имперской службы безопасности, галактики горделиво-синеглазых, находясь на стандартном дежурстве на Ферме по выращиванию энергетических аккумуляторов, заметил за собой слежку вражеского агента галактики горделиво-красноглазых. Обнаруженный мною агент нестандартно запаниковал, вместо того, чтобы разорвать контакт путем обычного пространственно-временного дистанцирования, он запросил эвакуацию по каналу аварийной связи. Его просьба была удовлетворена. Пространственно-временной континуум был разорван, вражеский агент был эвакуирован спецназом вместе с Носителем. Отчёт предоставлен в службу собственной безопасности Имперской Галактической Разведки.... Да уж..., ну дела! Знать бы заранее, хоть бы ненамного, нам же, в-принципе, не хватило двадцати пяти-тридцати секунд того временного пространства, чтобы пометить их эвакуационную капсулу. Время..., время всегда работает против нас.

—Ну, зато и против них тоже. Судя по нанесённым тебе повреждениям, они уже готовились маркировать тебя, чтобы отследить обратный путь, сюда, домой, по окончании тобою дежурства на Ферме.

—Это им точно не удалось?! Я вовремя среагировал?!

—Не удалось конечно. Иначе бы, штурмовые армады их космических кораблей уже атаковали наши пограничные провинции.

—Герцог! Разрешите личный вопрос?

—?

—Есть ли хоть какие-то версии— произошедшего? Для чего им понадобилась такая эвакуация? Ведь это же немислимые расходы...

—Десять в двадцать третьей степени.

—Ничего себе!

—Вот-вот..., и мы, весь штаб стратегического планирования сейчас в недоумении, думаем над этим, работаем, одно время была версия, что это было вызвано Вашей Личностью барон, но потом её отбросили как несостоятельную, потому что в Носителя вы заступили на дежурство тщательно замаскированным, неотличимым от простого смерда... Отдыхайте, Барон, восстанавливайтесь, у нас впереди ещё много работы.

—

—Ох, ну вы прям такие вещи рассказываете! Первый раз в жизни такое слышу, — тихонько рассмеялся принимающий

исповедь старенький священник.

Алексей Петрович удивлённо покосился на него:

– Батюшка! Да я и сам, в жизни бы не подумал, что такое возможно! Уж чего только не передумал, грешен знаю, но за что, за какой грех, мне от Господа испытание такое? Ведь явственно всё видел и слышал, и как асфальт от едущего трамвая дрожит ощущал..., сначала от одного, потом от другого..., или от одного и того же, но дважды проехавшего..., хотя нет, первый был новый, а второй старше его лет на пятьдесят. И как такое возможно? Ведь не сумасшедший же я?

– Тихо, тише вы, – успокаивающе притушил священник, горячий шёпот взволнованного исповедника, – нет, ну конечно на сумасшедшего вы не похожи..., а в чём грешны? Ну, как и все мы, прежде всего в гордости, в этом и покаемся, а уж в чём там дело и почему, это уж только одному Богу известно..., и происходит всё, только по Воле Его, и никак иначе... Причащаться завтра будете? Ну вот и славно, – одобрил батюшка готовность Алексея Петровича, прочитал разрешительную, снял с головы исповедника накинутую в начале исповеди епитрахиль, – целуйте Крест и Евангелие..., идите с Богом, – благословил на продолжение службы.

Еле волоча ноги, не чувствуя обычного после исповеди облегчения, старик побрёл на привычное для него место примерно по центру храма. А какой смысл жаться по стеночкам или прятаться в уголок? Пробовал уже много раз, всё равно нигде покоя не будет, обязательно кто-нибудь бу-

дет рядом ёрзать: "И почему всегда около меня? Всегда рядом: либо топчутся, либо разговаривать начнут, либо ходят туда-сюда и толкаются, причём неважно сколько народу на службе, даже если храм практически пустой, всё равно кто-то рядом жмётся и жмётся." Так что, лучше уж сразу в проходе встал и покорно-спокойно принимаешь всю эту "суету вокруг рояля".

—

—Ну что же, Герцог, имперский совет готов выслушать Ваш доклад.

—Слушаюсь, Ваше Императорское Величие... Как все мы знаем из нашей многотысячелетней истории, существование нашей цивилизации невозможно без энергетической подпитки от разбросанных по всему нашему пространственно-временному континууму ферм. И из-за контроля над ними идёт многолетняя, нескончаемая война в империей горделиво-красноглазых, прерываемая редкими перемириями, когда в наши дела вмешивается Ослепительный, насильно врываясь в наш континуум из... Не знаю, наши учёные так толком и не разобрались откуда он приходит, зачем объединяет наши конкурирующие империи, с кем мы ведём, колоссально энергозатратные, битвы под его командованием и куда он потом исчезает оставляя наши цивилизации в полном хаосе и упадке. Но суть сегодняшнего доклада не об этом. Я хочу поговорить о ферме EVG1966...

—Ох уж эта, поганая, убыточная помойка!

– Полностью согласен, Ваше Императорское Высочество, глубоко и искренне разделяю Ваше возмущение. Уже почти две тысячи их временных периодов, убытки по работе с этой фермой превышают энергетический доход получаемый с неё. Правда в последнее столетие нам удалось значительно увеличить количество получаемой продукции, но качество... , качество ниже, гораздо ниже самого минимального стандарта, энергетика всё более и более "гнилая", энерго-содержимое этих аккумуляторов стораёт практически сразу после разморозки...

– А я, сразу говорила! Надо было ещё две тысячи их временных периодов назад, ликвидировать их к чёртовой матери!

– Успокойтесь, Ваше Высочество, Мы помним предложенное отделом маркетинга решение этой проблемы, проблемы энергетической деградации фермы EVG1966, но имперским советом оно было отклонено и Вы помните почему.

– Да, Ваше Императорское Величество, я помню, имперский совет всё ещё надеется, что там снова вырастет Абсолютный Источник Энергии, да только как вы собираетесь захватить его в свою собственность, если даже Ослепительному это не удалось? Если даже, рождавшиеся там позднее, малые светильники постоянно куда-то ускользают от нас? Не говоря уж о трижды выращавших там Малых Источников Энергии.

– Вот именно об этом я и хотел поговорить, Ваше Импера-

торское Высочество. Ваше Императорское Величество, если позволите, то я продолжу... Так вот, по результатам наших многолетних исследований, нам удалось получить более-менее понятное объяснение сложившейся на этой ферме цивилизации. Хотя, конечно, назвать цивилизацией эту анархию, это непонятно-никчемное существование, можно лишь с большой натяжкой. Так вот, когда эта ферма была обнаружена нашими разведчиками пять тысяч их временных периодов назад, качество выращенных там энергоаккумуляторов было превыше похвал, что и побудило имперский совет приступить к разработкам обнаруженного месторождения несмотря на уже присутствующий там и активно работающий отдел добычи империи горделиво-красноглазых. Получаемые, в результате биологического созревания в носителях, энергоаккумуляторы обладали после выщелачивания из телесной оболочки такой превосходной энергоотдачей, что это побудило имперский совет, принять тогда решение, собирать жатву не только по стандартному образцу, – по мере полного созревания, посаженного в носителях Зерна Жизни, но и, как действовали наши конкуренты из империи горделиво-красноглазых, заключать с носителями фермы EVG1966, прямые коммерческие договора об извлечении энергоаккумуляторов до достижения ими полного созревания. Результат тогда превзошёл все ожидания, эффект этого коммерческого решения был просто грандиозный, в результате переданных нами знаний о том,

как надо обращаться, использовать ту часть энергии, которая по пункту пять, стандартного коммерческого договора оставалась завербованному нами носителю, который преждевременно прерывал жизнедеятельность подчинённых ему, неравноправных носителей, их, с позволения сказать цивилизация, взлетела на такую высоту, какой более уже никогда не достигала до сегодняшних времён. Построенные ими тогда порталы для прямой переброски энергии, до сих пор, уже более четырёх тысяч их временных периодов, приводят в недоумение следующие, всё более и более деградирующие поколения носителей, произрастающих на этой ферме. Ни один из них, пока что, и близко не приблизился к разгадке того: как, кем и главное для чего они были построены...

– Мерзкие, гнусные черви копошащиеся в отхожем месте!

– Сейчас – ДА! Сейчас, Ваше Императорское Высочество, сейчас – да, это именно так, в результате произошедшей после тысячелетнего процветания катастрофы – это именно так.

– Герцог, Вы так и придерживаетесь своего мнения, что тогда произошло вмешательство именно Сеятеля? Может катастрофой всё же руководил Ослепительный?

– Не думаю, Ваше Императорское Величество, хоть Ослепительный и не раз посягал на Престол Источника Жизни, он каждый раз претерпевает поражения... Так вот, с Вашего позволения, я продолжу... Обе империи, и наша, и конкурентная горделиво-красноглазых, тогда, только за счёт этой

фермы, дававшей нам энергопотенциал миллионнократно превышающий весь урожай собираемый с других ферм, изредка разбросанных по нашему пространственно-временному континууму, расширились настолько, что у нас начались приграничные стычки в открытом пространстве. От осознания количества освоенных нами тогда и заселённых галактик, просто дух захватывает...

–Ага! Вы ещё скажите, Герцог, что у Вас голова кружится от осознания былого величия! Сейчас то, что об этом вспоминать?! Империя в полном упадке! Еле-еле выживаем в одной единственной, захудалой галактике, спрятались от горделиво-красноглазых, так же как они от нас! Где бывшие величественные битвы в которых гибли миллиарды солдат?! Где триумфальные пиршества пожирания пленённых?! Где это?! Где всё?!

–Ваше Императорское Высочество!

–Ну, папа!!!

–Всё! Хватит! Имперский совет временно прерывает совещание...

—

–Мужчина! Мужчина! – послышался слева от Алексея Петровича возмущённый женский шёпот.

Скрестившая руки на груди, как перед причастием, толстенькая бабуся, глядя не в лицо повернувшегося к ней Алексея, а косясь куда-то ему за спину, торопливо затараторила:

–Простите меня, ради Христа! Но, Вы, неправильно креститесь! Вы, крест ломаете!

–Что я делаю?! – совершенно обалдел от такого невероятного заявления Алексей Петрович.

–Крест, крест ломаете, вы когда креститесь, не закончив наложения креста, начинаете кланяться, а так делать нельзя, ни в коем случае нельзя, Вы, грех, грех великий, этим самым, на себя берёте!

Сглотнув вскипевшее внутри возмущение: "А, Вы, на себя какой грех берёте? Великий или малый, подходя ко мне во время службы, мешая мне молиться, "выкатывая" мне свои придурочно-мистические предьявы?"; Алексей покорно-согласно закивал:

–Хорошо, хорошо. Я, Вас, понял. Услышал.

–Простите, ради Христа, простите, – кивнув ему в ответ поклоном, засунув под платок, крашеную под платиновую блондинку, прядь, бабулечка заковыляла к стоящей у колонны скамейке.

Весь напрягшийся, еле-еле дотерпевший до конца вечерней службы, Алексей Петрович, почти не крестясь, пошёл на выход. Стоявшие на службе прихожане, никто ни с кем не прощаясь, уныло потянулись по домам. "Почему у нас так? Никому – ни до кого – нет никакого дела? А может так и надо, а то ведь – вон как – только что".

Выйдя за церковную ограду, вытащил из кармана и включил телефон. Семь пропущенных вызовов и все от Жанны.

"Опять какая-нибудь истерика... , и почему всегда во время вечерней? Когда литургия утренняя, то... , а так она ж обычно спит в это время. Ладно не буду перезванивать, приду домой и узнаю – в чём там дело".

Стоявшая во входной арке белая псина, как будто ожидала Алексея. Ещё издалека завидев его, она напряглась растопырив лапы, как бы готовясь прыгнуть, и зарычала.

"Ох, ёкарный бабай! Чё делать то? Покусает ведь, ходи потом, уколы делай, а денег и так, еле-еле на жизнь хватает... Так. Сейчас через дорогу, назад, забегу в магазин, воды, самой дешёвой, чтоб, если кинется, плеснуть на неё".

Рассматривая стоящие на полке пластиковые бутылки: "Чё-то дорого как всё, самая дешёвая "Святой источник", ну ладно, почти святая вода, сейчас..." Уже приоткрывая рот, чтобы попросить продавщицу, вздрогнул как ошпаренный кипятком.

– Дедушка, с Вами всё в порядке? – сочувственно посмотрела на него невзрачненькая, прыщавая девушка лет шестнадцати.

– Угу, – угрюмо буркнув ей в ответ, Алексей Петрович выскочил из мини-магазинчика и разъяренно-сосредоточенно зашагал к своему дому: "Да как так-то?! Почему сразу не понял, что это *белая волчица*? Повадки-то совсем не собачьи, а что делать волку в центре полуторамиллионного города? Ну погоди, блядища, я щас тебе..."

Оборотень увидав приближающегося Алексея Петровича,

вновь ошетинился, раскорячился, рыча и подвывая.

Ночной Охотник, растянув пуговицы, рывками засучил рукава куртки и рубашки обнажая погоны, стянув с запястья лествицу, зажал её в кулаке правой руки как кастет. Левой рукой вытащив из-за пазухи нательный крест, поцеловал Распятие и опустил его поверх одежды. Опустив голову, как готовящийся боднуть буйвол, принял бой:

— Да Воскреснет Бог!...

Этого оказалось более, чем достаточно. Зверь, заскулив, упал на брюхо, как будто на него, сверху, с большой высоты, упало толстенное бревно. Злобно завывая от боли, царапая когтями грязный асфальт, оборотень прилагая невероятные усилия выполз из-под обрушившейся на него Силы, и пополз прочь, волоча задние, и, изо всех последних сил, отталкиваясь от земли передними лапами.

"Может добить её сразу же? Ага. А потом? Представляешь какой переполох начнётся, когда труп обнаружат? Хватит ей и этого, по самое немогу. Вон как, явственно, слышно было, как позвоночник хрустнул. Она сейчас, если до своего логова, то бишь домой доберётся, если: и, не сдохнет у себя в квартире, то, на всю оставшуюся жизнь, инвалид неходячий... А с её лишним весом..." Алексей Петрович укоризненно покачал головой, вспомнив подходившую к нему на службе бабуся. Как будто услышав его мысли, волчица оглянулась, глянув в лицо *Охотника* красными, светящимися в темноте глазами, тут же испуганно опустила башку и вихля-

ьясь заползла за угол дома.

—
–Совещание продолжается! Герцог продолжайте доклад.

–Ваше Императорское Величие, как же без отдела маркетинга?

–У Её Императорского Высочества непрекращающаяся истерика. Она присоединится к нам позже. Надеюсь.

–Так вот, как все, я надеюсь, помнят, во время Катастрофы спаслась лишь небольшая стая носителей, неведомо почему знавшая о предстоящем бедствии и спрятавшаяся внутри одной из природных нор их планеты, предварительно обшив все её стены стволами произрастающих там многолетних растений, что обеспечило им эффективную изоляцию на время отключения Творцом этой части пространственно-временного континуума от Источника Жизни. Весь же остальной урожай погиб обезумев, сгнив под волнами энергопоглощения. Все наши позднейшие попытки, наладить устойчивый интерфейс с потомством, уцелевшего, вновь быстро расплодившегося стада носителей, не увенчались успехом. Носители всё более и более изолировались от нашего влияния, дичали и деградировали. Хуже всего то, что одно из их стихийно образующихся стад, невероятно каким, но тем не менее каким-то способом сумело установить контакт с Источником Жизни. В связи с этим и, учитывая двадцативековой отрицательный баланс, имперским советом тогда было принято решение о ликвидации Фермы

EVG1966. Но случилось то, что случилось, впервые за всю историю существования нашего пространственно-временного континуума, Источник Жизни обрёл реальную оболочку...

–ТАТАДАААМ! Ура! Какое счастье! Творец сотворивший ВСЁ – избрал для своей чувственноощущаемой оболочки, из неисчислимого множества достойнейших существ, обитающих в неисчислимом количестве миров, вонючую, смердящую КЛОАКУ, и, вселился в одного из копошащихся там ГЛИСТОВ! Потрясающе!

–Мы все, тоже очень рады, что Вы наконец-то присоединились к нам, Ваше Императорское Высочество.

—

"Надо идти домой, и так уже припозднился, совсем", — Алексей Петрович повернулся к арке и охнул от ужаса увидав в тёмном зеркальном окне, закрытого на ночь офиса, отразившегося Себя:

–Господи! Иисусе Христе! Помилуй меня грешного...

Стоящий в черном зеркале воин, одетый в монашескую..., нет, это не было тканью, это была покрывающая всё тело, с головы до пят, чёрно-воронённая кольчуга; держащийся, видимо, на левой руке, большой треугольный щит змеился, возникающими из его центра, то золотыми, то серебряными молниями; в правой деснице само собой жило Оружие – то извивающийся серебристо-светящийся кнут, то ужасающего вида и неподъёмного веса варяжский топор, то обою-

доострый меч покрытый неведомыми письменами; в обрамлённых абсолютной чернотой глазницах – светились треугольные густо-синие глаза.

Преодолевая всегдашний ужас, Алексей осенил себя Крестным Знаменем стирая чуждый образ: "Господи, что же это такое, что за тварь живёт внутри меня? Господи, когда Ты меня от этого избавишь? И избавишь ли?"

Жанна как будто караулила его, Алексей Петрович ещё только зазвенел ключами доставая их из кармана, как дверь распахнулась:

–Ну! Явился наконец! Вечно – когда надо – тебя никогда нет рядом! – горячий истеричный шёпот искривил отёкшее заплаканное лицо.

–Что случилось? Объясни толком, не кричи, – тихо, еле слышно проговорил уставший мужчина, опускаясь на стоящую в прихожей табуретку.

–У Олечки опять приступ был, впервые за четыре года, я уже надеялась, что всё, что хоть этого не будет... – тихонько заскулила женщина, вся извиваясь от разрывающей её внутренней боли, заламывая руки и с неприкрытой ненавистью смотря на мужа.

"Господи, какая же она невероятно красивая, даже сейчас, измучанная этой двенадцатилетней беспросветной пыткой..."

—

–Так вот, с позволения Вашего Императорского Величия

и Вашего Императорского Высочества, я продолжу. Мы тогда, распознав посеянное в носителя, невероятной, запредельной энергомощности Зерно Жизни, даже и подумать и предположить не могли, что это Он Сам! И появившийся тогда, в нашем пространственно-временном континууме, Ослепительный ничего нам не объясняя, силой подчинил себе обе империи, и бросил в, как оказалось, заведомо гибельную для нас Битву. При попытке вышелушить То Зерно из недозревшего носителя, вся наша цивилизация, вместе с Ослепительным, была практически уничтожена вырвавшейся, из распакованного носителя, Энергией. Мало того, Источник тогда восстановил безнадёжно испорченную телесную оболочку Носителя и забрал к Себе, неведомо куда, в то Место, контакт с которым нам абсолютно невозможен. И что самое интересное, в результате этой, проведённой Творцом, вивисекции, носители Фермы EVG1966, получили возможность, в результате определённых действий, обретать способность Прямого Kontakта с Источником Жизни...

–Да, блядь, блядь, блядь!!! Как так-то?! Почему?! Почему такой невероятный, уникальный, неизъяснимой сладости Дар, даётся этим..., этой биологической плесени?!

–Вот и мы, Ваше Императорское Высочество, всё это время ломаем голову, почему – то, что абсолютно невозможно нам - даётся им, животным стоящим на неизмеримо низшей, чем наша, ступени развития, да ещё и постоянно, непрерывно деградирующим. Одно успокаивает, то что, Дар этот, со-

гласно нашей статистике, даётся им, этим носителям, очень и очень редко. Мы знаем их, всех, ускользнувших, после вышелушивания, от нашего плена, наперечёт. Но тем не менее, обидно, очень обидно, Ваше возмущение по этому вопросу – более чем справедливо, Ваше Императорское Высочество.

—

–Жанночка, прости, пожалуйста, я пришёл бы раньше, но служба то длинная, предпраздничная, завтра же...

–Ой, не говори мне пожалуйста ничего про это, не хочу, не надо, – протестующе заскулила жена.

–А потом, через два дня и Наш Праздник, пятнадцать лет, – разувшись и снимая куртку напомнил Алексей.

–Спасибо..., помнишь..., – голос женщины смягчился от благодарности, – ужинать будешь?

–Да, конечно, сейчас только..., – Алексей Петрович приподнял опущенное лицо и тут же вильнул глазами от пристального взгляда жены.

–Ох! Нет! – Жанна вздрогнула всем телом, как от удара в живот, – а я ещё, дура, думаю – от чего это, всё думаю нормально было с Олечкой, и тут на тебе! Алексей, как ты мог?! Ты же мне обещал! Ты же покайся! Ты же сказал, что всё, что больше никогда!

Согнувшись перед тихо рыдающей женщиной, как нахулиганивший, раскаивающийся школьник, Алексей забормотал:

–Да я не хотел..., и не думал, что так получится..., не

ожидал нападения..., и как она меня вычислила понять не могу ("врешь, врешь, знаешь как она тебя вычислила и где") ..., против воли среагировал..., растерялся от неожиданности..., прости, милая, правда, прости, – Алексей опустился на колени и ткнулся лицом в бедра жены.

– Не трогай меня, не прикасайся ко мне, чудовище, не надо, не хочу, – Жанна пятилась от упрямо ползущего за ней на коленях Алексея Петровича, пока не упёрлась спиной в стену. Умолкла. Бесконечно долгие минуты слышалось лишь тяжёлое, сдавленное как у астматика дыхание. Потом хриплым, как у пропитой бомжихи голосом, женщина проговорила:

– Конечно я тебя прощу, Алёшенька, как я могу тебя не простить... Вставай, не надо передо мной так, я, чай, не Богородица... Иди поешь, – слабо-безжизненно погладила она покорно склонённую перед ней седую голову.

– Хорошо, спасибо, родная, сейчас поем, только вечернее правило...

– Ну вот, опять! – вновь отчаянно взвилась Жанна, – Лёша, ну сколько можно уже?! Ты что, пока лоб не разобьёшь – не успокоишься? Разве мало ты для Него сделал? А как ты живёшь? Есть за что благодарить?

– Не надо, не начинай опять, – умоляюще попросил Алексей.

– А ладно, делай, что хочешь, и как хочешь..., устала я, сил нет...

–Спокойной ночи, родная, – пожелал глава семейства в спину никак не отреагировавшей, быстро шагающей по коридору, жены.

"Какая она всё-таки сильная у меня, ведь вся измученная, изнеможённая, а идёт как танцует. Может? Да ну нет, другие в её возрасте бабки бабками, и без тех непереносимых испытаний, которые на неё обрушились, ей уж скоро сорок, а она всё ещё как девчонка... Эх, родная, родная моя. Есть, конечно есть за что благодарить! Мне же Его даже за тебя, за то, что встречи с тобой сподобил, не отблагодарить никогда, хоть двадцать веков на коленях простой."

Миллениум ("И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему"):

–Значит, Вы, Алексей Петрович, утверждаете, что на месте происшествия оказались случайно, просто возвращались домой с работы?

"Какая совсем ещё молоденькая, совсем сопливенькая, а уже старлей. Сколько ей? Восемнадцать? Девятнадцать? Только что, по видимому, школу милиции закончила, и сразу в следки её. По ходу, родственные связи, иначе б, кто её просто так..."

–Алексей Петрович, проснитесь пожалуйста. Я понимаю, Вы устали, после работы, возраст опять же, но всё-таки, давайте закончим допрос, и мы, Вас, отпустим домой. Там и выспитесь. А здесь не надо спать, а то, Вы, спите, а я работаю,

– птичье щебетание завершилось совершенно девчачьим хихиканьем.

– Да я не сплю, с чего, Вы, взяли, товарищ старший лейтенант? – возмущённо вскинулся Алексей Петрович, – просто устал уже повторять, одно по одному. Сколько уже можно? На каком вообще основании, наряд меня задержал? Они уже были на месте происшествия, когда я только шёл с остановки. Вот и билет есть на автобус. Мало ли, что там полоумная старуха..., померещилось ей чего-то, совсем из ума от старости выжила, а вы...

– Алексей Петрович, вот только не надо здесь ля-ля! – вкрадчиво замурлыкала "ласковая кошечка", – и что, это, Вы, так ко мне, "товарищ старший лейтенант"? Жанна Валерьевна, я для Вас..., можно просто – Жанна..., или вообще, Жанночка, снисходительно-высокомерно, я ж для Вас – сопля зелёная, кукла лупоглазая, которую родственнички на тёпленькое местечко пристроили, а, Вы..., Вы – весь такой опытный, поживший, всезнающий. Вы ж такую дурочку, как я, за нос, запросто..., – завершила зазвеневшим легированной сталью голосом, не поднимая головы, роясь, перекладывая лежащие перед ней бумажки и что-то ковыряя в них дорожным "паркером".

Алексей слегка похолодел и напрягся: "А откуда она? Что мысли мои читает? Да ну нет! Быть такого не может! Просто ухватки ментовские, нахваталась уже, успела, молодец, способная, далеко пойдёшь... Жанночка... Если никто не оста-

новит. О, Господи! А красивая то какая! Невозможно красивая! И чего она здесь делает? А куда ей? На подиум? Или "стюардесса по имени Жанна"? Так-то, по-любому – королева красоты..."

Следователь вскинула взгляд на смотрящего на неё исподлобья задержанного:

–Летать я, знаете ли, на самолётах боюсь, потому и не пошла в стюардессы. И на подиуме мне делать нечего, потому что и так знаю, что я самая красивая. И мыслей я ваших не читаю, потому что там и читать нечего, у вас все мысли прям на рожах ваших похотливых написаны. И то, что каждый мужик, старше сорока лет, считает себя самым умным, мне тоже уже давным-давно известно.

–А про то, что происходит со слишком умными и многознающими, Вам, тоже известно? – неуклюже попытался отшутиться Алексей Петрович.

–А вот этого я как раз и не знаю! – звонко расхохоталась следователь, – может, Вы, меня просветите по этому вопросу. У, Вас, и возраст, как я посмотрю, подходящий..., ох, а я вся такая молоденькая, глупенькая..., – опять сладенько замурлыкала "кошечка", покусывая нижнюю губку и отчаянно стреляя глазками.

"Она заигрывает со мной, издевается, пытается "расшатать", вывести из себя. Алексей! Алексей! Осторожно! Сконцентрируйся! "Коси" под дурака! Начинай "ваньку валять"! Иначе она тебя "расколет" прямо здесь и сейчас! Да щас! Ко-

нешна! Ага! Держи карман ширше, или ширее!"

– Жанна Валерьевна, ну зачем, Вы, вот так? Вы же - интеллигентная, образованная девушка.... – начал было Алексей Петрович, тактично-вежливым голосом. Пристально вглядываясь в него следователь, сразу, как-то обречённо, сникла:

– Ладно. Хорошо. Я поняла. Можете быть свободны. Сейчас я только выпишу пропуск, а вы пока, – кивнула она стоящему у двери сержанту, – подождите в коридоре.

"Ох, ёлки-палки, почти двенадцать, сейчас пока всё закончится, да домой "пешкодралом" дотопаешь, перекусить бы, хоть мало-мало, надо бы...., вечернее правило, по ходу в ночное превращается...", – Алексей посмотрев на светящиеся зелёными палочками часы, висящие над окошком дежурной части, покосился на стоящего рядом конвойного. Старший сержант стоял прислонившись спиной к стене, заложив руки за спину, слегка подрыгивая то одной, то другой ногой: "Устал парень, ему б присесть, чайку в дежурке похлебать, с соработниками позубоскалить, потом, вместе со всеми, на перекур выйдя, смачно "облапать" взглядом Жанну Валерьевну, когда она уезжать домой, в конце концов, соберётся".

В коридоре слышалось энергичное цоканье каблучков. Вынырнувшая из-за угла старший лейтенант, притормозив, чуть склонив голову, посмотрела сначала на устало поникшего, не обращающего на неё внимания, Алексея Петровича, потом вскинув взгляд на вытянувшегося по стойке смир-

но сержанта, резюмировала:

–Я сейчас! Только документы у дежурного подпишу и все свободны!

Изящно обрулив, стоящего у самой "вертушки", экипированного по-боевому омовца, резко остановилась и оглянулась. Ослабившийся было ей вслед, (пытающийся заглянуть под юбку кобель), омовец дёрнулся, как от удара хлыстом, и торопливо отвернулся. Удовлетворённо хмыкнув, девушка, чуть ли не пританцовывая скрылась в полутьме дремлющего райотдела. Спустя буквально пять минут снова слышалось торопливо-частое цоканье: "Ох, Господи, сколько же в ней энергии и жизни! Вся как, только что созревшая, молодая кобылка, скачущая задрав хвост, не знающая куда девать свои силы. Глаза тоже..., чёрные-чёрные, как непроглядная ночь..., как у лошадей, кажется – что белков почти не видно, черты лица такие мягкие, правильные, чисто русские, а глаза и волосы, как у исконной еврейки..., надо же как..., и для кого так Господь "постарался"? Вот уж повезёт её мужу, хотя это как сказать..., запредельно красивая, да ещё и умница, трудно ей будет ровню для себя найти..." – проводил взглядом, "проскакавшую" в свой кабинет, следователя, Алексей Петрович.

–Ухажёров у неё наверное тут, тьма тьмушая, – покосился на вновь расслабленно раскорячившегося сержанта. Разглядывающий грязный, затоптанный, пол сержант иронично хмыкнул:

–Ага, чичас! Нема дурных! Она тут, в первую же неделю, одному подполу руку сломала, а там бычара, – кивнул на стоящего, у входа во внутреннюю часть РОВД, омоновца, – похлеще этого...

–Подожди, подожди, – встревоженно выпрямился сидящий на скамейке Алексей, – ведь это же – служебное...

–Да ни хрена ей за это, ничего не было, – с готовностью "потянулся" к нему "свой пацан", одного взгляда глаза в глаза было достаточно, чтобы понять кто есть кто, – обставили короче всё, как будто он сам упал...

–А он, вроде бы, как бы, и падать правильно не умеет, – тихо рассмеялся Алексей Петрович.

–Ну да! Вроде как! – совсем "возбудился" рыженький, веснушчатый пацанчик, – мы вот, с пацанами, до сих пор спорим, да как так-то, ведь она его, в два раза, легче по весу. Ну как? Это ж только в сказках голливудских...

–Бывает, братишка, правда бывает, я тебе говорю..., – увесисто аргументировал Алексей глядя прямо в серо-зелёные, доверчиво лупающие глаза.

–Сплетничаете? – серебряным колокольчиком звякнул сзади девичий голосок. Алексей Петрович торопливо отвернулся от испуганно вспрыгнувшего сержанта: "Как она? Ага переобулась, туфли мягкие, без каблуков, значит на машине, на своей, домой поедет, ну само собой, у такой дивчины, своё "точило" должно быть, туфельки-то, вон у "золушки" ..., мать честная! Сколько ж такие стоят?!"

–Ага..., ну, ну, – мурлыкнула "кошечка", уронив портфель на скамейку рядом с Алексеем Петровичем и застёгивая, накинутое наспех, кашемировое пальтишко. Деловито, выхватив из портфеля и отдавая сержанту какую-то бумажку:

–Всё, Саша, ты свободен, это отдашь старшему по смене, – повернувшись с трудом поднимающемуся со скамейки Алексею, – а, Вы, пока меня подождите, я, Вас, домой подвезу... И не спорьте со мной! – взвился под потолок командный голосок.

Стоящий за её спиной, собиравшийся было уходить, старший сержант, поймав взгляд Алексея Петровича, умоляюще вскинул вверх руки, жестикулируя как сдающийся в плен "фриц".

–Хорошо. Как скажете..., Жанна Валерьевна..., – тяжело мотнул башкой, еле держащийся на ногах "старый мерин".

–Вот так-то лучше, – удовлетворённо учительским голосом завершив "воспитательную беседу", впорхнула в дежурную часть. Молниеносно что-то отдавая, и в чём-то расписываясь, успевая о чём-то радостно щебетать с совсем уже старым, каким-то помятым капитаном: "Что, неужели уж совсем работать некому, дядьке уж давным-давно пора на пенсию. Да знаю, знаю, вижу уже, не совсем слепой", – ответил Алексей на сочувственный взгляд "стрелянного воробья", делающего вид, что внимательно слушает, что-то ему "втирающую" девчужку, – "и не совсем дурак, как кажется,

понимаю, что "попал" я, "попал по полной программе"... О, Господи, мой Господи! Помилуй и Спаси! Помоги мне из этого выпутаться, не сумею я сам, не смогу..."

–Получайте свои личные вещи, расписывайтесь и на выход, – выскочившая из дежурной части "расследовательница", пританцовывала, как удерживаемая за узды, готовая сорваться в галоп.

–Здесь не всё, – прервал Алесей Петрович монотонное бормотание "стрелянного воробья".

–А? Что такое? Чего не хватает? —поддельно-неискренне удивилась "хитрая лисичка", слегка смутившись под укоризненными взглядами Алексея и старого капитана, заюлила, – ах, это..., ну знаете, всё-таки странный запах от них, я решила их на экспертизу, а то мало ли что..., вот, – ткнула пальчиком с аккуратно-коротко подстриженным ноготком, в опись, – бусы женские, деревянные, светло-бежевые, одна штука..., да не беспокойтесь, Вы, Алексей Петрович, два-три дня и я их Вам отдам..., а, что? – тон голоса сменился на издевательски-сочувственный, – трудно, Вам, без них будет? Больше никаких других украшений нет? Нечего будет на шею одеть?

–Жанна Валерьевна, – снова подчёркнуто интеллигентно-вежливым тоном начал Алексей, – вы же прекрасно знаете – для чего нужны чётки...

Скривившись, как от горькой микстуры, девушка нетерпеливым жестом прервала Алексея Петровича и рванулась

к выходу. Как заарканенный пленник, пожилой мужик потянулся за ней.

"Ух, на улице то – как хорошо! И дождь закончился..., так, девушка-красавица, на чём же, Вы, меня прокатить хотите?" Пискнула сигнализация. "Ну, канешна! Белый "крузак"! Ну, кто бы сомневался!" Машинально глянув на передок авто: "Оба-на! А номерочки то! Ну, Лёха..., держись, Лёха, изо всех сил держись!"

Запрыгнувшая, как на коня, в машину Жанночка, приоткрыла дверцу и привстав, вытянувшись наружу, посмотрела на быковато топчущегося перед капотом "старого пердуна":

–Ну, хватит уже "тормозить" то, ну, садитесь уже, да поехали, – раздражённо захлопнула дверку машины.

–Ты смотри какая, понукает она, не запрягла, а уже понукает, – еле слышно пробормотал себе под нос Алексей Петрович, подходя к правой задней двери и открывая её.

–Нет, нет, нет, – категорично скомандовала офицер милиции, – сюда.

Аккуратно захлопнув заднюю, Алексей подошёл к уже открытой передней двери джипа: "Вот "шило то в заднице" у неё, ну неугомонная, ладно хоть до дома здесь минут пять ехать, а то ж такая любого "укатает", ну блин..."

–А, что, Вы, там, когда к машине подходили, себе под нос бормотали? – поинтересовалась "любопытная варвара", вся беспокойно крутясь, подпрыгивая на сиденье.

"Да ещё и глазастая, чтоб тебя, этож надо, как в темноте

разглядеть умудрилась, что у меня губы шевелятся, что, как у кошки, зрение, что ли?"

– Да это я так, сам с собой.

– Ну, а всё-таки?

– Да подумал, машина такая хорошая...

– Врёте!

– То, что сесть лучше на заднее сиденье, чтобы соблазна, за коленку подержаться, не возникло...

– Опять врётё! – вновь задорно парировала достойная противница, продолжив кокетливо-масляным голоском, – хотя с другой стороны..., а может я и не против?

– Жанна Валерьевна, ну может хватит уже, на самом деле? Я ведь, Вам, в отцы гожусь. Одна, Вы, похоже у мамы с папой, избаловали они Вас донельзя, – устало-искренне проговорил Алексей, не глядя на враз притихшую шалуню.

Жанна завела машину и сосредоточенно вглядываясь в отброшенную светом фар темноту, проговорила:

– Алексей Петрович, вы же умный человек, вы же понимаете, что я от вас не отстану, – забарабанила пальчиками по рулю машины, – может, всё-таки, вернёмся в отделение и, Вы, мне всё честно расскажете?

– Явку с повинной мне предлагаете? – негромко рассмеялся сквозь дикую усталость Алексей, полусогнувшись и закрыв, потирая ладонью глаза и лоб. Выпрямившись и посмотрев прямо в глаза напряжённой, как сжатая до предела пружина, "спарринг-партнёру":

–Я так предполагал, что допрос уже закончен, так что с, Вашего, позволения, раз уж, Вы, никак не угомонитесь, я уж как-нибудь, сам, пешком...

–Да никуда, я, Вас, не отпущу! – Жанну "сорвало с нарезки", – будешь рыпаться, шас оформлю вторичное задержание и до утра в обезьяннике просидишь!

–Да, уж лучше в обезьяннике, с бомжами вонючими, чем рядом с коброй африканской, – спокойно ровным голосом проговорил достойный муж, попытавшись открыть заблокированную дверку джипа, – Жанна Валерьевна, будьте хорошей девочкой, откройте пожалуйста дверь.

Удар пробил противника, личико девушки исказилось злобной гримасой, взметнувшись, для удара ребром ладони, рука остановилась в миллиметре от горла не дрогнувшего, не моргнувшего Алексея Петровича.

"Ощущение, как будто режиссёрская пауза в кино...", – вздохнул сам про себя Алексей, – "всё как будто замедлилось, и тишина мертвецкая...", – слегка покосившись на Жанну, тут же отдернул взгляд, – "ибит твою налево! Да она ж не "тормозит", так же воспринимает реальность! Господи! Помилуй меня! С кем ты меня столкнул?! Зачем?!"

Медленно и аккуратно взяв обеими ладонями понемногу расслабляющуюся руку, поднёс к лицу и поцеловал:

"О, Господи! Какая нежная, как у ребёнка."

Жанна вздрогнув как от удара электрошокером, выдернула холёную ручку:

–Что, Вы, себе позволяете?!

–А что такое? – иронично улыбнулся Алексей Петрович, – то говорит, что не против, то вдруг против.

–Давай начистоту, как есть, – потихоньку трогаясь с места и пристально глядя на ухабистую дорогу, – я дочь высокопоставленного офицера в Конторе, в Центре, папа меня сюда оправил, из своих "рабоче-крестьянских" соображений, типа, чтобы, среди простого народа повращалась, пожила-посмотрела на реальную жизнь, "понюхала" чем она пахнет.

–Ну и? Как, Вам? – ухмыльнулся Алексей: "А папа то, у тебя, молодец, соображает, только вот воспитал как пацана..."

–Да дерьмом, ваш, этот, простой народ воняет..., и приглядываться к нему нечего, дебил на дебиле сидит и дебилом погоняет..., животные..., пожрать-поспать, да потрахать, больше ничего ему не нужно. Поэтому, Вы, меня в тупик и поставили, сразу заметила, что-то не так, не простой мужичок, "пробила" по всем каналам и ничего! Ваше ничего! Даже Главное Управление "по нулям" на запрос! – потихоньку закипала, потерпевшая неудачу, "миссис марпл", – как будто и вправду обычный, серый тип..., папа ещё на меня наорал, нет, говорит, здесь никакой резидентуры и быть не может...

"Ох, Господи, девочка моя, да ты совсем уже "заигралась" что ли? Заграничный "шпиён" тебе померещился?"

–Но я, так просто не сдамся, я, Вас, выведу на "чистую

воду", меня, Вы, не проведёте, я с самого раннего детства в этом "котле варюсь", понимаю немножко, что к чему...

– Жанна Валерьевна, выбросили бы, Вы, на помойку все книжки Агаты Кристи, и Яна Флеминга туда же...

– Да кто ты такой?!

– Допрос продолжается?

– Простой работяга..., ага, ну-ну, с таким уровнем АйКью, так я и поверила.

– А за это, Жанна Валерьевна, надо сказать спасибо, нашей советской системе образования...

– Да щас! – дико гоготнула эрудитка, – а то у вас ни одного двоешника тогда не было, хватит уже из меня дурочку делать, процент количества интеллектуально уникальных индивидов постоянен во все времена, и всегда крайне востребован государственной властью, Вам, пришлось сильно постараться, чтобы вас не вычислили за столько времени.

"Да когда ж мы уже доедем? Чего она меня кругами возит?"

– Там движение только одностороннее, – заприметив беспокойный взгляд Алексея Петровича, торжествующе хихикнула Жанна, – да не переживай, довезу я тебя до дома..., и отпущу..., пока...

– Можно подумать, Жанна Валерьевна, Вы, гаишников боитесь..., и когда мы с вами успели на брудершафт выпить, этого я тоже, что-то не припомню...

Неугомонно похихикивающая "шалунья" ткнула пальчи-

ком в сидишник, демонстративно показывая нежелание слушать "морально-нравоучительную белиберду". Из колонок взвыл "Дым сигарет с ментолом", заметив брезгливую гримасу на лице Алексея, девушка хихикнула ещё громче, ключнула из лежащей на панели пачки соломинку сигаретки и щёлкнув вынутым из кармана пальтишки "зиппом" с наслаждением затянулась. Зажужжало опускающееся с пассажирской стороны стекло.

–Ой, ой, ой! Какие мы нежные! Пару секунд потерпеть не можем! Вон уже ваш дом, подъезжаем, – высокомерно прогнусила "наездница", – что?! Что такое?! – торопливо-испуганно затараторила обычным человеческим голосом увидев изменившееся лицо Алексея Петровича, – что случилось?! Вам плохо?! – выбросила в приоткрытое окно сигарету и замахала рукой выгоняя дым.

Алексей глубоко и часто втягивая носом потянувшийся в окна запах, повернулся к насмерть перепуганной девушке:

–Жанночка, миленькая, девочка моя("ты с ума сошёл, Алексей?! Почему МОЯ?! Сдурел на старости лет, совсем уже себя не контролируешь!"), пожалуйста, остановите машину, дайте мне выйти и поскорее уезжайте отсюда, я, Вас, очень!, очень прошу!

–Ну уж нет! Я, Вас, довезу до подъезда, отведу домой в квартиру, и, только после этого уеду! Не хватало ещё, чтобы с вами что-то случилось, а мне потом отвечай!

Джип взрыкнув заскочил в арку дома.

"Поздно, всё поздно", – обречённо подумал Алексей Петрович, – наклонившись вперёд и посмотрев в боковое зеркало заднего вида, – "вот они, захлопнули капкан."

–Закрой окна! – скомандовал "нижестоящему по рангу", "сопливому новобранцу", ветеран старой гвардии, – Маша! Слушай меня внимательно, сейчас ты возьмёшь в руки это, – протянул ей закатанную в пластик иконку, – это Образ Божией Матери...

–Я знаю, Нерушимая Стена, – дрожа всем телом всхлипнула девочка.

–И не перебивай меня больше! НИКОГДА! Поняла? Вот и хорошо. Так вот: сейчас держишь обеими руками Её, закрываешь глаза и сидишь здесь – пока я не вернусь. Ни шагу из машины, ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ! Поняла? Будешь хорошо себя вести, я тебе не ручку, а прямо в губки расцелую.

–Не уходи! – взмолилась, чуть дышащая от павшей на них смертной тени, девушка.

–Я вернусь. Обещаю, – величественно кивнув головой, "терминатор" шагнул из машины. Наклонившись назад в салон, подмигнул тарачившей на него глазёнки Жанночке, – глазки закрыла, быстренько, ("эх хорошо б тебе хоть какую-нибудь молитву знать") вот и умница, – крутнув мимоходом на максимум громкость сидишника, прикрыл дверь. "Скажи мне правду, атаман..." зарыдала вслед, идущему в бой, Танюха-Плаксуха.

—*Аггырг каксу мансырынг* ("мало тебе, только что до-

сталось, ещё хочется?"), – поприветствовал Ночной Охотник проявившуюся перед ним красноглазую тварь.

— **Харрырг пантырастронг мандычихорг** ("тебе конец, я сейчас не одна, а ты без оружия, и щит только что, своей напарнице отдал").

— И что? Вообще то, любая священная вещь, без веры – просто игрушка. А вы, что, позабывали, что, против вас, лучшее оружие пост и молитва? Я так-то уже почти сутки не жрамуши, и Отче Наш, Слава Богу, хорошо помню..., и ещё кое-что, – громоподобно пророкотал Алексей засучивая рукава и соединяя перед собой руки, как бы держа перед лицом раскрытую книгу, – Царю Небесный... – из вытатуированных на руках букв, с гудением работающего на пределе мощности высоковольтного трансформатора, вырвались голубые протуберанцы...

Ощущающий себя, как после хорошей парилки, Алексей Петрович смахнул, стер правой рукой пот с лица: "Мокрый весь насквозь, сильные твари на этот раз попались, достойные противники, надо будет помыться, работа по ходу на завтра отменяется, позвоню утром Олегу."

Повернувшись к машине и увидав через лобовое стекло белое до синевы личико девушки с вытарашенными до предела глазами и чуть приоткрытым ротиком:

– Да, блядь! Ну что ж, ты за дура такая, я ж тебе говорил! Господи! Что мне с ней сейчас делать?!

Подбежав на заплетающихся от изнеможения ногах в джи-

пу, рванув дверку, обессиленно упал на пассажирское сиденье:

–Жанна! Жанночка! Посмотри на меня, посмотри на меня! Всё хорошо, всё хорошо! Это всё – тебе просто показалось. А когда кажется, помнишь, что делать надо?

Девушка, согласно закивав, осенила себя Крестным Знамением:

–Ой, мамочка! Ой, мамочка! – прорвались, вместе со словами, хлынули слёзы, – Алёшенька, ты не обманул меня! Ты вернулся! – что есть силы, вцепилась невеста в своего суженого, втискиваясь мокрым от слёз лицом куда то в подмышку, "под крыло" ...

–Ну, всё? Наплакалась принцесса? Успокоилась?

–Алёша, прости меня, на вот, возьми, – протянула Жанна бумажную иконку и, вынутые из внутреннего кармана пальто, чётки, – и это. Тебе всё это наверное сейчас очень нужно было, а оно у меня было...

–Ну вот и хорошо, что у тебя было, может помогло тебе. Оставь себе, на память, я сегодня новые приобрету.

–На какую ещё память? Нет, я конечно оставлю у себя это, но на какую ещё память? – сосредоточилась Предначтанная, схватив руками за бороду и поймав пытающийся ускользнуть взгляд Алексея Петровича, – ты чего это удумал? А? Нет это ты сейчас на меня посмотри! Куда ты собрался?! Кто тебя отпустит?! Малыш! Ты слышишь меня? Нет! Что я по-твоему, совсем дура? Откуда ты узнал моё

имя? А я откуда знаю, как тебя твоя мама звала? Никуда ты от меня не денешься. Всё. И не мечтай. Иди пока, мой родной, отдохни... А я, прости, к себе поеду, не войду я к тебе, в первый раз, такая..., да-да, описалась я..., и обкакалась..., постой, – требовательно окликнула повернувшегося было выходить из машины Алексея, – ты мне ещё кое-что обещал. Забыл? – чуть улыбнувшись красно-оттёкшим лицом, решительно притянула его к себе за ворот куртки и впи-лась губами в его губы.

(Год спустя):

–Чего ты хихикаешь? – Жанна задрала голову и крестясь на двери собора, покосилась на Алексея Петровича.

–Да не хихикаю я, с чего ты взяла? – попытался вывернуться Алексей.

–Нет, ну ты посмотри на него, опять он со мной спорит.

"Ёлки-палки! Это она сейчас меня – "насквозь видит", а если жениться на ней?"

–Да я..., подумал..., смешная ты такая в платочке, – попытался отшутиться Алексей Петрович. Охнув от несильного тычка локотком под бок, – ну что ты делаешь? Ведь так и ребро сломать можно...

–Не болтай чепухи, – безапелляционно перебила Жанна, – как, я могу, сама себя сломать?

–Лёха, привет! – слышалось из тихо проезжающей сзади, как бы крадущейся, машины.

–Я пошла, в храм, не хочу видеть эту "масляную рожу", –

Жанна не оборачиваясь, как выходящая, в свадебном платье, на подиум супермодель, всплыла в здание собора.

–Лёх, Лёх, подожди меня, подожди не уходи, – задышающийся от усилий толстяк, кряхтя и закашливаясь, подтягиваясь на руках за верх двери и крыши новенького "шестисотого", выкарабкался из машины, – тыщцу лет тебя не видел, братан, – полез обниматься ощерившись гнилозубым, круглым, лоснящемся, как только что испечённый блин, лицом.

"Полгода только вроде и не виделись, а так-то век бы с тобой не встречаться."

–Совсем ты меня позабыл, Лёха, а ведь в соседних подъездах живём. Как бухать перестал, так и нос воротил от меня, а я скучаю по тебе, братан! Ой, Лёх-Лёха, мне без тебя так плохо! – захихикал тряся огромным животом.

–Пашка, в тебе сколько кило уже? Ты б может "притормозил" бы уже?

–Не могу, Лёха, правда не могу, как причастию перестали допускать, так всё! И соврать на исповеди, тоже не могу, боюсь!

–Так, а ты не ври, просто воздержись какое-то время от греха, потом легче будет... – морщась от брезгливости чуть отодвинулся Алексей Петрович от источающего зловоние рта.

–Не могу, Лёха, не могу, сколько раз уже тебе объяснять. Как Натаха, вслед за твоей Любкой в Америку "сдриснула", так и всё, сломался я вслед за тобой! Вспомни, как мы буха-

ли, ваще "по-чёрному", ты то из этого выкарабкался, не знаю уж как...

–С Божьей Помощью, – теряя терпение, перебил жирного говоруна Алексей.

–Ну-да, ну-да, Слава Ему, – торопливо крестясь, затараторил Пашка, – не знаю, что б я делал без его помощи, потому то, из церквей почти не вылазю, то в одной на службу, то в другой, денжищ на всё! Каждый раз! Зато и Он, меня не забывает: дела на фирме идут хорошо, просто отлично, есть и покушать на что, и вкусенького выпить, и машинку вот новую прикупил, и бабёнки, когда кошелёк тугой, прям как мухи на мёд...

–Ага, – согласно-иронично кивнул Алексей, – или, как на говно, и почему ты решил, что тебе всё это "благополучие" от Бога?

–А как же? А от кого же ещё? Я тут, недавно, на собрании пятидесятников был, так они, прямо так и говорят, если "бабло прям прёт" тебе, то это божье благословение. Вот только с тем, что..., – скабрезно захихикал старый блудник – ну, то что с девчонками надо регулярно кувыркаться, они всё-таки категорически несогласны, не верят, что это для мужицкого организма просто необходимо, не признают авторитет врачей...

–Пашка, да ну тебя! Пошёл я, – окончательно потерял терпение Алексей, – сколько можно повторять, что не хочу я слушать твои гадости?

–Да, не буду, не буду, ты подожди, не уходи. Я тебя чего хотел спросить: а кто это? Чего она всё время рядом с тобой "отирается"? Ты чё, Лёха, "сломался" всё-таки? А говорил, нет, никогда, даже с "дунькой кулаковой" никаких дел не имею! А сам! Чего опять башкой мотаешь, чё нет что-ли? Просто так? Друзья значит? И ничего не собираешься и ничего не будет? Ага, ну-ну, посмотрим-посмотрим... А так-то девочка "козырная", я бы так даже сказал "джокер"! Братан, ну если тебе, от неё, ничего не надо, может я за ней "приударю"?

–Попробуй, – согласно кивнул головой Алексей Петрович, шагнув к двери и оглянувшись на суетливо крестящегося, шепчущего молитву Павла Николаевича, веско добавил, – если тебе, конечно, жить надоело.

(Два года спустя):

Из кухни доносилось, то ли чирикание ранней пташки, то ли мяуканье голодной кошки. Аккуратно закрыв за собой дверь и поставив дорожную сумку на пол, Алексей Петрович начал неторопливо расстёгивать куртку.

–Приехал! Уже! – радостно взвизгнула выглянувшая из-за угла Жанна, – а я не успела ещё ужин приготовить! Ну, ладно! Руки мой и иди сюда! – последние слова еле слышались, сказанные уже у плиты, заглушаемые шкворчанием жарящейся картошки.

Алексей разулся, перебросил подальше по коридору сумку ("потом разберу") и прошаркал в ванную, намыливая руки

посмотрел в зеркало: "Ну, и как ты ей сейчас в глаза смотреть будешь? А? Алексей..., Петрович..."

Изо всех сил растягивая время, помыл руки, поплюхал в холодной воде напряжённое, как каменное, лицо, вытерся полотенцем и вышел из ванной. Щёлкнув выключателем побрёл на "пение мифической сирены". Не глядя на порхающую по кухне Жанну, взял небрежно брошенный на его табуретку, почти свалившийся на пол китель и аккуратно повесил его на спинку ЕЁ ("всё равно ты всегда в окно пялишься, поэтому пусть здесь стоит, здесь буду сидеть! Ты в окно, а там – Я! Как картина в раме, хи-хи-хи...") стула.

–Всё! Готово! – бухнула "хозяйюшка" рядом с локтем Алексея Петровича чугунную сковородку.

Покосившись на недожаренное картофельное месиво, не выдержал посмотрел-залибовался на подбоченившуюся, раздумянившуюся девушку:

"Господи! Какая она..., прекрасней её, на всём белом свете не сыщешь. Кокетничает передо мной, губки вытягивает, глазками играет и крутится туда-сюда, как модель на подиуме. Ох, девочка моя, девочка моя, ну зачем я тебе, такой?" – виновато опустил взгляд Алексей.

–Устал? – искренне-сочувственно дрогнул голосок "родной-единственной", – а у меня смотри-ка, что есть! – выхватив из небрежно брошенного на пол "коффера" майорские погоны, повертела ими около своего правого уха – цы-цы-цы! О, как! Ну скажи, разве я не молодец?! Сейчас обмоем,

пировать будем! – нырнув в верхний ящик вытащила из него, нежно позванивающую, хрустальную пару.

–А это чего? – поднял Алексей, выпавший из портфеля вслед за погонами, продолговатый конверт из бледно-голубой бумаги.

–А не знаю, – бросила, оглянувшись через плечо, Жанна, – не успела посмотреть. В двери торчало. Тебе. Из горсвета что-ли..., задолженность наверное..., ты за свет, когда, последний раз, платил?

"Мать честная! Да как такое возможно?! Из ГорСвета, милая, того самого, Горнего Света." Без суеты засунув конверт под локоть, спрятав его, еле вытолкнул, в спину сосредоточенно роющейся в ящике стола Жанне, вопрос через стиснутое неотвратимым ужасом горло:

–А чего ты там ищешь?

Девушка вздрогнула всем телом и замерла:

–Штопор..., вино надо открыть..., я вино хорошее купила, – голосок "подстреленной птички" дрожал и бился, изо всех сил не желая падать с Небес на землю.

–А чего будем праздновать? – безжалостно "добил охотник обречённую жертву".

Жанна закаменев лицом, тяжело, как разом постарев, вздохнула:

–Задолбал, пиздец просто какой-то, как ты меня задолбал, – шагнув к стулу, решительно сдёрнула со спинки китель и набросила на плечи. Сосредоточенно застегнув все пугови-

цы, бросила взгляд на понуро глядящего в пол Алексея Петровича, схватив со стола, швырнула в висящую под окном батарею отопления, подарочные бокалы:

–Блядь! Сука ты! Понимаешь?! Сука! Пердун старый! Да чтоб ты сдох! Чтоб тебя твои твари поскорее сожрали! – порывшись в портфеле, вытащила ключи и бросила их на стол, – ноги моей здесь больше не будет! Никогда! Завтра же рапорт о переводе в Москву подам! Хватит уже..., третий год в этой помойке..., а он всё – морду воротит и воротит..., тоже мне..., супермен полудохлый...– доносящееся из прихожей злобное клекотанье, завершилось содрогнувшим стены, яростным хлопком двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.